

И.Н. Пальмов

Боженька

6+

Иван Николаевич Пальмов

Боженька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477787

SelfPub; 2019

Аннотация

Пока чудо нельзя объяснить, оно остается чудом. Отчего так? Оттого ли, что мыслимое перестает быть неземной природы? Быть может и так, но еще возможно, что чудо остается чудом только тогда, когда в него верят.

Этот рассказ мог бы быть притчей, да только место его настолько самобытно и неповторимо, что от этого жанра необходимо отказаться. Историю эту я узнал от людей, которых хорошо знаю и потому она правдива.

Если вам однажды случится увидеть животное в церкви, не пугайтесь, быть может, это ваш бог. Над некогда глубоководным и до сих пор еще большим Хопром находится селение, которое нельзя назвать городом. Однако это и не хутор и местные жители наверняка даже обидятся, если кто-то посмеет их так представить. Селение то тянется вдоль реки, подобно тем же Вавилону над Евфратом, Парижу над Сеной, Мемфису над Нилом и другим, но только судьба его оказалась менее значительна. Несмотря на это, свои вершины здесь некогда были, они связаны, прежде всего, с местной церковью. Церковь эта зовется Знаменской, столетия назад еще она имела немалый приход. Едва ли не все местные жители в воскресные дни бывали на службе. Нынче приход у церкви другой, он очень странный, но есть – это козы. Именно так, коз и овец загоняют сюда в обеденный час, когда пастухи отправляются на обед после полудня. Так было, во всяком случае, лет пятнадцать назад не более. Мы тогда тоже пасли коз и овец, обычно с бабушкой или дедом, а как-то и вовсе вдвоем. Вдвоем с сестренкой Улей, она старшая, но не сильно, теперь уж и не заметно.

Вместо дверей в этой церкви досками сбиты ворота, они едва доходят до пояса, чтобы только не выбежал скот. Цер-

ковь большая, в нее вмещается целое стадо, а остается еще целых два помещения. Одно из них колокольня, сносить ее, вероятно, не стали затем, что с нее можно бить тревогу, да только колокола давно сдали на металлолом. Главный купол над алтарем, он представлял собой лишь остов. Второе помещение и есть алтарь. Бывая здесь с мамой, помню, она говорила, что проход туда запрещен и войти может лишь глава церкви, то есть поп. Поп в селении вроде и был, вот только алтарь так и пустовал без дела. А заходить все равно нельзя. Почему? Этого я не вспомню, только приходит на ум одна история, все так же рассказанная мамой, а ей бабушкой. Там говорится, что однажды селение захватили кочевники и остались пировать в церкви, так как для них это место священо не было. Они развели костры, и не прошло часа, как на них полился свинцовый огонь. Они подумали, что это неведомый им бог разгневался, и убежали оттуда. После я узнал, что своды были покрыты свинцовыми деталями, и они расплавились от костра. Мне было даже обидно слышать это пояснение, так как до того я верил, что это именно само место прогнало басурман. Иные объяснения лучше не слышать, не знать о них, и мир чудесен. Еще неизвестно где большой обман, в догадках о чуде или обоснованной правде. Правда ведь не может быть обманом. Я тоже так думал.

Мы с Улей как-то пришли на пригорок, к церкви, просто гуляя. Мы шли не специально, и вышло так, что именно в тот момент, когда все козы были еще в церкви, а пастух уже

пришел. Пастухом в этот раз был дед Шурей. Мы подошли, поздоровались и следом дед сказал фразу, которую мы уже ждали.

– Вы чьи же?

Мы переглянулись и ответили, как полагается. Я до сих пор не могу понять, почему мы должны были обязательно быть чьи-то, и мне казалось, на этот вопрос мы всем в округе ответили уже по десятому разу.

– Нябось каникулы у вас нынча? – продолжил дед, который может и так это знал, а спросил просто, чтоб мы с ним поболтали. Теперь здесь местные все одни старики и уж больно им не хватает того с кем можно поговорить.

У нас и вправду были каникулы. Лето ведь. Дед замолчал и все так же сидел с тросточкой на пеньке. Одет он был как будто излишне тепло, еще и с фуражкой. Мы все стоим, ждем, уйти неловко. Дед прищурился, сидит, на нас уже вроде и не смотрит. Встает и идет к церкви, а сам рукой нам машет, пошли мол. Мы чуть дрогнули, но пошли. Подошли ближе, он глядит внутрь церкви, оперся на воротца и все не отрывая взгляда говорит:

– Вишь, светится? – дед кивнул на алтарь.

Я кивнул, смотрю на него, а Уля тоже прищурилась как дед.

– Там боженька сидит, – тихонько шепнул дед Шурей, а сам дальше смотрит.

Уж точно не помню, проникся ли я, а может, не успел,

потому, как дед тут же добавил.

– Че зенки вытраскал, иди глянь, – и махнул мне тросточкой показывая.

– И не смешно ничуть, – буркнула Уля.

– Ага, и ни кого там нету, – добавил я.

– фу ты, тоже мне, грамошный что ли? – сказал дед, отворил воротину и ушел.

Тогда мы разошлись, и казалось, дело тем кончится. После мы и дальше ходили мимо церкви чаще всего не просто так, а потому что за ней река и мы ходили туда купаться. Река была близко, однако всякий раз нам приходилось обходить кругом, потому что рядом было фермерское хозяйство, а при нем собаки. Собаки эти были большие и очень злые, говорят, их специально так натаскали, чтоб воров рвать. А мы ведь не воры, а все равно, они ведь не знают. Едва ли не каждый раз как мы шли кругом вспоминали про деда. В алтаре и, правда, было светло так, будто он изнутри освещен солнечным светом, а все, потому что был сильный контраст с основным залом, в котором окон не было. Уля всегда говорила что верит, а я больно пытался показаться взрослым и говорил, что не верю. Сам же я все равно сомневался, но в этих сомнениях скорее было больше надежды, что моя версия правильная. Я, в самом деле, больше переживал за свою правоту, чем не верил. Мне казалось, сестренка просто дразнится, чтобы услышать от меня ее мнение, а потом скажет что пошутила. Все боялся остаться в дураках. Да вот помню

было однажды. Сидим мы на кухне, в холодильнике колбаса, я хочу ее поесть, а сестра такая: «не колбасное время», я давай спорить, мол, нет колбасного времени, а она свое. Так я в итоге и поверил. Вот и теперь боялся так же.

На речку мы ходили каждый день и бывали дни, когда почему-то без всякого сговора мы не обходили фермера, а шли прямо. И ведь никогда ничего такого не случилось, было пару раз, что собаки выбегали, но тут же приходил кто-то из взрослых и быстро их прогоняли обратно. Вот и на этот раз мы пошли прямо. Вдруг, собаки, выходят и рычат. Кругом никого и мы встали. Не знаю почему, то ли потому что так правильно, то ли ждали, что кто-нибудь выйдет. Собаки все ближе, никого нет, и я испугался. Я первым побежал, и уже Уле пришлось бежать следом. Собаки лают, бегут, можно было ждать, что они перестанут гнаться, но они бегут. Нам страшно, я знаю, что нам обоим страшно. Я не мог ни о чем думать, но даже ребенком понимал, что они нас порвут. Перед нами была одна только церковь, а дальше ничего. А даже если и успеть, в церкви никого нет, двери открыты и нас самих они загонят как коз, только обедать будут здесь же. Мы все равно вбегаем, собаки следом. Бах! Удар эхом отдает на всю церковь. Они убежали. Собаки убежали. Мы сидим, ревом оба, уже и нечего вроде, а мы плачем. Тут вдруг снова шум, человек идет. Чего-то мы испугались, что нас тут увидят, и сами не зная как, зашли в алтарь. Внутри никого, пусто, а на полу ежик лежит, и тарелка рядом перевернута,

молоко разлито.

– Эге, живы, – дед Шурей крикнул и глядит улыбаясь.

– Так эт вот он боженька? – спросил я, глядя на ежика.

Дед смеется, а мне не обидно, я стесняюсь только, но все равно улыбаюсь. Может я был действительно прав.